

ей: «Раздосадовался царь на то, что сегодня возвратил тебе живого сына и не поделил его на части. А потом приказал, чтобы назавтра позвали тебя и твою подругу, и тогда поделят сына твоего: одну половину отдадут ей, а другая останется тебе». На это блудница сказала: «Что за негодный царь и как плохи решения его!» Тут Маркольф продолжил: «Поведаю тебе новость более тяжкую и ужасную. Царь и все советники его постановили, чтобы каждый мужчина взял себе семь жен. Поэтому удивляются женщины, как же им поступить. Ведь если у одного мужчины будет семь жен, в доме уже не воцарится мир. Одну будут любить, а другую презирать. А та, которая будет милее остальных, чаще станет проводить время с мужем. Неудобная с мужем будет и вовсе изредка. Одна станет лучше одеваться, другая ходить почти нагой. Самая любимая получит кольца, ожерелья, серебро и золото, меха и пестрые ткани, станет хранить ключи от дома, жить в почете, прозываться в своей семье госпожою, все богатства мужа окажутся в ее распоряжении. Если одну так сильно будут любить, что тут сказать об остальных шестерых? Если двое, то о пятерых? Если трое, то о четырех? Если четыре, то о трех? Если пятеро, то о двух? Если шестеро, то об одной? Когда станут одну целовать крепче, ублажать больше и приближать к мужу чаще, разве остальные, видящие это, и вовсе не скажут: „Кто мы, ведь вроде и не вдовы, и не замужние, мы и не с мужем и не без мужа?“ Им станет досадно, что расстались они со своею девственностью. Гнев, насмешки, споры, соперничество и зависть всегда будут возникать промеж ними. Ненависть воцарится среди них. И если не наложить запрет на это повеление, одна приготовит для другой яд, и они перетравят друг друга. От того я весьма горюю. Вот почему ты, женщина, знающая свой женский пол, поскорее сообщи о сем господам этого города и скажи им, чтобы они не соглашались, но оспаривали волю царя и его советников».

Сказав это, Маркольф потихоньку возвратился к царскому двору и уселся в углу дворца. А эта самая блудница, поверив в то, что его слова правдивы, побежала по городу, ударяя себя кулаками в грудь и рассказывая всем о том, что услышала. Матроны сильно засуетились, соседка передавала, новости соседке, началось брожение, и в скором времени все женщины города собралась вместе. А собравшись, они пришли к тому, чтобы всем вместе отправиться во дворец, наброситься на царя и оспорить его волю. И вот при дворе появилось почти семь тысяч женщин, которые окружили дворец царя Соломона, своим натиском сокрушили его двери и с ужасным криком набросились на царя и его советников. Всех как одну обуял неугасимый гнев, одна больше, другая меньше, но все вместе подавали свой голос перед царем.

Царь, едва добившись тишины, спросил, в чем причина подобного волнения. На это одна, считавшаяся упорнее и красноречивее прочих, сказала царю: «Ты царь, к которому стекается золото, серебро, драгоценные камни и все богатства из разных земель, всегда исполняется воля твоя и никто не смеет противоречить тебе. У тебя есть царица и царицы и ты взял себе множество наложниц и юных дев без числа. Каждой даешь, сколько хочешь, ибо имеешь столько, сколько пожелаешь. Но другие так жить не могут!» Соломон ответил: «Господь сделал меня царем над Израилем, почему же я не могу поступать, как мне угодно?» А ему женщина: «Довольствуйся тем, чтобы осуществлять свою волю со своими. Почему с нами так поступаешь? Мы благородные женщины из рода Авраамова, придерживаемся веры Моисеевой. Что же ты желаешь поменять веру нашу? Ты, который должен заботиться о справедливости, почто несправедливость творишь?» Соломон, преисполнившись гнева, ответил: «Какую несправедливость я творю, о бесстыдная женщина?» А женщина ему: «Великая несправедливость в том, что ты хочешь установить так, чтобы каждый мужчина брал себе по семь жен. Определенно, этого никак быть не может. Ни у одного герцога, или графа, или принца нет таких богатств, чтобы исполнить волю и одной жены. Что же будут они делать, когда у каждого станет по семь жен? Это выше человеческих сил для любого мужчины. Пусть лучше уж у каждой женщины будет семеро мужей, да чтобы все работали и одну жену обеспечивали». Тут царь Соломон рассмеялся и ответил: «Хорошо она выступила в защиту своих подружек. Однако я полагаю, что число мужчин никак не может сравниться с множеством женщин. Женщин не просто больше, а едва ли не семижды более». Тут все иерусалимские женщины закричали в один голос: «Воистину, царь, негодник ты и насмешник, и несправедливы решения твои. Теперь-то мы знаем — правда то, о чем нам довелось слышать. Неподобающе ты говоришь с нами и насмехаешься над нами перед лицом остального люда. О Боже! В недобрый час стал править нами Саул, еще хуже — Давид, но самым нечестивым из всех оказалось правление Соломона!»